

Еще одной продуктивной моделью образования коллоквиальных наименований городов в США является употребление инициала исходного топонима с определенным артиклем: *The A (Atlanta)*, *The D (Detroit)*.

Некоторые американские топонимические прозвища представляют собой рифму к исходному (официальному) топониму, например: *The Rattle (Seattle)*, *To-hell-you-ride (Telluride)*.

Общепризнанным фактом является стремление говорящих максимально полно семантически мотивировать языковой знак. Этимологию, которая основывается не на законах развития языка, а на случайном сходстве слов, принято называть ложной. В случае же с рядом коллоквиальных топонимов следует говорить скорее не о ложной, а о шутовой этимологии: *Синица (Сенница)*, *ул. Голого Деда (ул. Голодеда)*, *Soup Town (Superior)*, *Mill Town (Milwaukee)*, *Cola City (Columbus)*.

В отдельных случаях трудно провести границу между шутовой этимологией и актуализацией коллоквиализмом подлинного этимологического значения официального топонима, что можно наблюдать в следующих примерах: *Бобры (Бобруйск)*, *Дятел (Дятлово)*, *Малина (Малиновка)*, *The Big Gun (Cannon)*.

Таким образом, сравнение двух коллоквиальных топонимических систем, белорусской и американской, позволило выделить ряд общих для них формальных словообразовательных операций (усечение, эллипсис, сращение). При этом репертуар операций, используемых в американской коллоквиальной топонимике, более разнообразен за счет активного обращения к инициальной аббревиации, разнообразным видам усечения и рифмовке. Следует отметить возможность выполнения одинаковых функций различными национально-специфическими средствами (суффиксация в белорусской коллоквиальной топонимической системе, так же как и использование антропонимоподобных диминутивов в американской системе, служит выражению дружелюбно-нисходительного отношения). Общим для исследуемых коллоквиальных топонимических систем является стремление к образованию более коротких по сравнению с исходными единиц, семантика которых обогащена дополнительными компонентами.

Е. В. Жигалко

ИНИЦИИРУЮЩИЕ РЕПЛИКИ ОЦЕНОЧНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ В КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГЕ

В исследованиях речевого конфликта неоднократно отмечалась та ключевая роль, которую играет в данном типе коммуникативных ситуаций семантико-прагматическая категория оценки. Специфика реализации оценки в конфликтном диалоге позволяет выделить его особую структурную единицу – *оценочное диалогическое единство (ОДЕ)*.

На данный момент в лингвистической литературе ОДЕ терминируются и трактуются неоднозначно. Так, в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило отмечается, что основанием для выделения ОДЕ в отдельную группу является оценочная целеустановка говорящих, а также использование ими специфических языковых средств: оценочной лексики, слов качественной семантики, междометий, сравнений. Е. М. Вольф отмечает существование особых «оценочных диалогических комплексов» и понимает их достаточно широко – как замкнутые диалоги, в которых одна или более реплик включают оценку. Е. Ю. Щербатых выделяет такую единицу анализа, как «диалогическое единство с оценочной семантикой»; при этом объект исследования – англоязычное интервью – позволил автору выделить и описать лишь один тип такого рода единиц, а именно диалогическое единство вопросно-ответного характера, в котором иницилирующая интеррогативная реплика представляет собой запрос на оценочное суждение.

Несмотря на различия в основаниях выделения ОДЕ и определении их границ, можно предложить трактовку ОДЕ как специфической разновидности диалогического единства, в котором смысловым центром выступает оценка, так или иначе представленная как в иницилирующей, так и реактивной реплике.

Поставив перед собой задачу выявить типы иницилирующих реплик ОДЕ в конфликтном диалоге, мы отобрали из современной русскоязычной художественной литературы и сценариев художественных фильмов 200 контекстов конфликтного взаимодействия, включающих 311 ОДЕ.

Анализ отобранных контекстов показал, что в ОДЕ представлены три основные разновидности иницилирующих реплик.

1. Собственно оценочное высказывание.

По нашим наблюдениям, это самый распространенный тип иницилирующих реплик в составе ОДЕ: на его долю приходится 62 % выявленных диалогических единств. Это вполне естественно: принципы семантической (содержательной, смысловой) и прагматической (иллокутивной) связности реплик в составе диалогического единства предопределяют оценочную реакцию собеседника, принимающего или не принимающего оценку говорящего, что и приводит к созданию ОДЕ. Как правило, в конфликтном диалоге речь идет о неприятии оценки собеседника, ср.:

Золотуев: Я раздумал. Ты грубиян, а я этого не люблю.

Колесов: Грубиян? А вы какого сторожа хотели? С хорошими манерами? Из консерватории? (А. В. Вампилов. «Прощание в июне»).

В случае, если ОДЕ является элементом одностороннего конфликта (т. е. конфликта, в котором одна сторона предпринимает конфронтационные речевые действия, а вторая – нейтрализующие), возможен и вариант согласия с оценочным суждением собеседника:

Надя: Ты бесстыжий нахал! Бандит!

Женя: Конечно...

Надя: Варвар!

Женя: Конечно...

Надя: Ты... алкоголик!

Женя: Конечно...

Надя: Ты обалдуй.

Женя: Да, да, да (Э. В. Брагинский, Э. А. Рязанов. «Ирония судьбы, или с легким паром»).

2. Запрос на оценочное суждение.

Иницирующие высказывания данного типа представлены в 23 % выявленных ОДЕ. Спектр вопросов, выступающих в роли коммуникативных стимулов оценочных суждений, довольно широк. Но в ситуации конфликта используется, как правило, своеобразный «проверочный» вопрос, возникающий в силу того, что спрашивающий предполагает наличие у собеседника определенного оценочного мнения (в контексте речевого конфликта обычно негативного):

Нина: Тебе не нравится, что он летчик?

Бусыгин: Почему же? Мне нравится... Это замечательно... Неотразимо. «Не улетай, родной, не улетай» (А. В. Вампилов. «Старший сын»).

3. Высказывания, в семантико-прагматической структуре которых оценочный компонент играет (по крайней мере, формально) второстепенную роль.

Речевые действия такого типа (на их долю приходится 15 % выборки), строго говоря, не являются оценочными речевыми актами: например, высказывания типа *Сходи к этой зануде, возьми у нее конспект* или *Тебе звонил этот твой недоумок* являются в узком понимании не валюативами, а директивом и репрезентативом соответственно. Оценочная интенция входит в структуру таких речевых действий на правах сопутствующей, второстепенной иллокуции, дополняющей генеральную. Но при этом такая дополнительная иллокуция в силу своей прагматической значимости может в интерпретации адресата выйти на первый план, оттеснив на периферию основную иллокуцию. Именно оценочный компонент в подобных ситуациях может играть роль речевого конфликтогена, побуждающего адресата реагировать не на основной, а на дополнительный оценочный компонент иницирующего высказывания, ср. ОДЕ, в котором в роли стимула выступают не столько соображения говорящего о том, на ком женятся или не женятся, сколько негативнооценочная конструкция *из-за дурацкой обиды*:

Андрей: Да, женятся. На тех, что рядом — и днем и ночью. А на тех, что из-за дурацкой обиды исчезают в неизвестном направлении... На таких, знаешь, очень трудно жениться!

Даша: Из-за дурацкой обиды? Значит, если ты застаешь любимого человека с какой-то потаскухой, это — дурацкая обида? А что же тогда, по-твоему, недурацкая обида?! (Ю. М. Поляков. «Левая грудь Афродиты»).

Таким образом, анализ иницирующих реплик диалогических единств в конфликтном диалоге позволяет утверждать, что ситуация конфликта способствует порождению разнообразных типов ОДЕ. Акцентированная оценоч-

ность конфликтного взаимодействия обуславливает, с одной стороны, доминирование в роли коммуникативных стимулов собственно оценочных высказываний, а с другой – возможность реагирования на оценочную составляющую тех иницилирующих реплик, в которых оценка не является основным компонентом семантико-прагматической структуры.

Е. Г. Задворная

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ
КАТЕГОРИЧНОСТИ/НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ
И ТОЛЕРАНТНОСТИ/НЕТОЛЕРАНТНОСТИ
в научной коммуникации

Несмотря на внушительную историю исследований, категоричность/некатегоричность и толерантность/нетолерантность остаются весьма неоднозначно интерпретируемыми феноменами. Не вполне проясненным является статус этих понятий, которые в концепциях различных исследователей трактуются как коммуникативные категории, категории коммуникативного сознания, принципы (постулаты) речевого общения, коммуникативные качества речи и т. д., причем общая картина усложняется вследствие того, что в ряде исследований эти феномены понимаются как имеющие разный гносеологический статус: (не)толерантность – как тип речевого поведения, а (не)категоричность – как реализующая его коммуникативная категория. Дискуссионным является и вопрос о специфике реализации данных категорий (если принять такую терминологическую фиксацию их статуса) в различных дискурсивных сферах. Но, пожалуй, наиболее сложным и важным представляется вопрос об их соотношении и взаимодействии, который далее рассматривается применительно к научной коммуникации.

Как представляется, при анализе обсуждаемой проблемы внимания заслуживают два основных варианта соотношения данных категорий.

1. Категории (не)категоричности и (не)толерантности находятся в отношениях автономности/взаимонезависимости.

Здесь целесообразно различать два случая.

А. Высказывание может реализовать обе категории, но их реализация не является взаимообусловленной.

Так, толерантность нуждается в использовании показателей некатегоричности только в ситуациях выражения несогласия с собеседником и не предполагает использования ресурсов некатегоричности в случае позитивной оценки каких-либо мнений/суждений/концепций. Соответственно, высказывания типа *Я согласен с высказанными соображениями; Я разделяю точку зрения докладчика* являются толерантными, но наличие или отсутствие индикаторов (не)категоричности не участвует в таких контекстах в качестве средства реализации толерантности. В тех случаях, когда соответствующие индикаторы используются (ср.: *Я полностью/совершенно/в целом согласен*